

Сергей Шаргородский (Киев)

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ТЬМУ

В дружеских разговорах Михаил Генделев неоднократно сетовал на то, что о его стихах «мало толкового написано». Поэт – как и многие его собратья по перу, отнюдь не чуждый суетному тщеславию – конечно же, несколько лукавил. После безвременной смерти М.Г. число материалов о нем существенно увеличилось, был проведен круглый стол памяти поэта¹, возник массив некрологических и мемуарных заметок и интервью². Вместе со статьями, рецензиями и исследованиями таких авторов, как М. Вайскопф, М. Каганская, Л. Кацис, В. Кривулин, Е. Сошкин, М. Эдельштейн и др.,³ а также раз-

¹ Кацис Л., Толстая Е. «Конференция «Новые перспективы в изучении ассимиляции и антисемитизма в русской литературе» (Иерусалим, 23—25 июня 2009 г.), *Новое литературное обозрение*, № 99. М., 2009.

² См. подборки «Книга памяти», *Kursor*

(<http://cursorinfo.co.il/news/culture/2009/03/30/memor/> - здесь и далее все ссылки верны на февраль 2010 г.), «Памяти Михаила Генделева», *Booknik* (<http://booknik.ru/news/?id=28974>), ««Свободный человек «из нашей речи»», *Лехаим*, № 9 (209). М., сентябрь 2009, «Мюнхгаузен русской поэзии», *Радио Свобода* (<http://www.svobodanews.ru/article.aspx?id=1564673>); статьи: Дашевский Г. «Поэт прямого действия», *Коммерсант*, № 56 (4111). М., 31 марта 2009, Игнатова Е. «С переменной звезд», *Иерусалимский журнал*, № 30. Иерусалим, 2009; Исакова А. «Генделев: Дендизм, нравственный императив и прочие странности», *Новое литературное обозрение*, № 98. М., 2009 и др.

³ Бараш А. «Смерть и бессмертье – два близнеца...», *Новое литературное обозрение*, № 98. М., 2009; Вайскопф М. «Каменные воды», в кн.: Генделев М., *Неполное собрание сочинений*. М., 2003; Вайскопф М. Теология Михаила Генделева: Опыт аналитического некролога, *Новое литературное обозрение*, № 98. М., 2009; Гарт Д. «Поверх явной и сплошной разлуки»

(<http://booknik.ru/reviews/fiction/?id=11838>), Давыдов Д. «Генделев Михаил. Неполное собрание сочинений», *Новое литературное обозрение*, № 66. М., 2004; Каганская М. «Слово о милости и гордости: Краткий очерк души и творчества», в кн.: Генделев М., *Легкая музыка*. Иерусалим-М., 2004; Каганская М. «Памяти «Памяти демона»: Черновик прощанья», *Новое литературное обозрение*, № 98. М., 2009; Кацис Л. «Краткий биографический очерк», в кн.: Генделев М., *Неполное собрание сочинений*. М., 2003; Кацис Л., «Туда смотреть отсюда», *Новое литературное обозрение*, № 94. М., 2008; Кривулин В. «Война без победителей и побежденных: О поэзии Михаила Генделева», *Звезда*, № 12. Л., 1990.; Сошкин Е. «Лепрозорий для незрячих: Михаил Генделев и проект «Русскоязычная литература Израиля», *Textonly*, № 29 (2009). (<http://www.textonly.ru/case/?issue=29&article=29952>), Уланов А. Ветка дыма в руке: О стихах Михаила Генделева, *Дружба народов*, № 7. М., 2004; Шубинский В. Привет из Ленинграда, *Новое литературное обозрение*, № 98. М., 2009; Эдельштейн М. «Зоометафизика Михаила Генделева», *Новый мир*, № 8. М., 2005.; Яглом М. Глоссарий <к поэме М. Генделева «Картина»>, *Зеркало*, № 32. Тель-Авив, 2008 и др. Разумеется, список этот далеко не полон и библиографию статей о М.Г. лишь предстоит составить.

брошенными в печати и сети интервью самого М.Г.⁴, материалы эти успели образовать некоторый корпус, доступный будущим исследователям.

Вместе с тем, налицо и противоположные тенденции. Недруги и соперники М.Г. с едва скрываемым злорадством замалчивают его литературную деятельность и значимость, а от имени иных доброжелателей распространяются благоглупости, извинимые разве что искренним горем. Даже внимательные читатели, не располагая необходимым справочным аппаратом, сталкиваются со сложностями в понимании текстов М.Г., тогда как самые добросовестные и вдумчивые исследователи допускают фактологические ошибки⁵. С увеличением временной дистанции и неизбежным стиранием памяти о поэте, сколь бы ни были они плодотворны в плане остранения и исследовательского беспристрастия, накопительный эффект подобных тенденций может стать необратимым.

Совершенно очевидно, что вопрос сохранения и дальнейшего изучения наследия М.Г. диктует ряд шагов, главным из которых должна стать подготовка и издание собрания сочинений, снабженного комментариями, раскрывающими биографическую, смысловую, фактическую, культурологическую и т.п. подоплеку его текстов. Насущной темой представляется организация *Генделевских чтений* с использованием материалов докладов для издания сборника работ, посвященных творчеству М.Г., а также воспоминаний о нем⁶. Хочется верить, что намеченная выше программа или хотя бы часть ее осуществима – особенно учитывая тот факт, что среди ценителей творчества М.Г. имеется немало финансово состоятельных людей и лиц, так или иначе причастных к издательскому делу.

Возвращаясь к уже сделанному, а именно к сравнительно недавним исследованиям, можно отметить одно обстоятельство: авторы их, словно сговорившись, приходят к достаточно сходным выводам, рассматривая в основном поздние тексты М.Г. и то, что М. Вайскопф превосходно определил как «теологию Михаила Генделева». Относительно редки обращения к так называемым «ранним» стихотворениям М.Г. и рассмотрение их на фоне эволюции его поэтики и поэтической позиции. На наш взгляд, такая избирательность способна привести к известной ущербности анализа. «Ранние» тексты периода первой зрелой книги *Стихотворения Михаила Генделева* (1984) – концентрат формирующих начал поэтики М.Г., карта его поэтического мира. Без обращения к ним анализ данной поэтики невозможен, тем более что поэтический мир М.Г. в первоосновах своих принципиально статичен. Риторическая избыточность или нарочитая скудость приемов,

⁴ Хотелось бы обратить внимание читателя на несколько наиболее примечательных из них: «Одиннадцать лет спустя. Интервью с Михаилом Генделевым», *Меркурий*, № 16: Спецвыпуск. Л., ноябрь 1988; Генделев М. «Я пишу то, что нельзя», *Лехаим*, № 2 (166). М., февраль 2006; Генделев М. «В русской поэзии происходит чудовищное падение ремесла», *Booknik* (<http://booknik.ru/context/?id=23840>).

⁵ В частности, в «Кратком биографическом очерке» (см. выше) Л. Кацис сообщает недостоверные сведения, искажает фамилии и даже половую принадлежность некоторых персонажей и принимает частый в поэтической практике случай «поэтического молчания» М.Г. за отказ от сочинительства в духе Рембо, что повторяет и в других местах; Е. Сошкин (*op. cit*) в своей содержательной статье записывает в число создателей концепции «израильской литературы на русском языке» Л. Гиришова (в данном случае, необходимо заметить, промашка объясняется оговоркой самого М.Г.).

⁶ Вполне представимо создание интернет-сайта, на котором наряду с текстами и интервью М.Г. были бы представлены мемуарные записи его друзей, исследования, визуальные и аудиоматериалы.

пестрота и карнавализация антуража, гордая ирония и площадное зубоскальство, сварливые или трагические выяснения отношений со Всевышним и в Бозе почившими соратниками по ремеслу, пронзительная лирика и сложнейшее взаимопроникновение и мерцание семантических полей – все это может, разумеется, несколько затемнить картину. Однако поэтический мир М.Г. есть в сущности калейдоскоп, в котором ограниченное число цветных граненых стеклышек складывается во все новые узоры, представляемые глазу наблюдателя зеркальными панелями. Поэтическая эволюция М.Г. была эволюцией приемов, форм, тематики и средств, но ее основания оставались незыблемы. На дне его стихов («на дне которых тьма») шевелились все те же онтологические сущности.

что по себе есть самиллюбовь война и смертькак непредлог для простодушных описаний
повествовании о тьме и тишине

– писал М.Г. в начале 1980-х годов. К этому поэтическому символу веры, к этой системе догматов поэт в поздние годы возвращался не раз, буквально повторив ее в важнейшем стихотворении *К арабской речи* (2004). Назвав свою предсмертную книгу *Любовь война и смерть в воспоминаниях современника* (2008), М.Г. подчеркнул не только прямую преемственность поздних текстов, но и имманентную статику поэтических своих размышлений.

Дабы немного заполнить создавшуюся лакуну, рассмотрим текст *Вавилон*, вошедший в сборник *Стихотворения Михаила Генделева* – малую поэму в семи частях, один из программных и любимых текстов М.Г., нередко читавшего поэму на литературных вечерах.

Вавилон

Посмотришь из глазниц:

ни тьмы и ни печали

спокоен вид зари – заря восходит ведь

я выпускал бы птиц

когда б они летали

и есть куда лететь

смотри на Вавилон

со стен Иерусалима

колокола гудят язычники поют

посмертный небосклон

заря проносит мимо

в долину где встают

смотри на Вавилон

на мирные жилища

на башню для какой гранились валуны

се – мир твой и полон

но око с неба ищет

покор твоей спины

водитель колесниц

иль давят кварц сандали

или каменотес – но выше рост стропил!

я выпускал бы птиц

когда б они летали

я б сокола купил
а в мире так светло
так радостна долина:
раб восстает с мечом и ветеран с кайлом

смотри на Вавилон
со стен Иерусалима
смотри на Вавилон!

В период создания поэмы М.Г. вплотную столкнулся с задачей освобождения от влияний ленинградской поэтической школы и А. Волохонского (наставника поэта в первые израильские годы), что подразумевало отказ от всего ранее достигнутого и коренную ломку прежней – вторичной и заемной – поэтики. Решение задачи М.Г. выдвинулось в рамках концепции «израильской литературы на русском языке», созданной им совместно с А. Волохонским и М. Каганской. Основные положения этой теоретически слабо разработанной концепции, чьи практические воплощения мы надеемся рассмотреть позднее, сводились к утверждению, что в условиях Израиля возникает новая литература, равно независимая и от «метрополии», понимаемой как Россия и русская литература, и от русской эмиграции. Это литература измененной «семантики и сюжетики», занятая «небывальными в русской литературе темами» – литература, которую питают живые смыслы новой, израильской экзистенции⁷.

В четком соответствии с упомянутой концепцией, поэма реализует классическую бинарную оппозицию и является осью данной оппозиции, членами которой выступают *Иерусалим / Вавилон*. Такое построение чрезвычайно характерно для многих текстов М.Г.: в конечном итоге их можно описать как метафизические рассуждения о культурных, исторических и наконец универсальных оппозициях, как-то *живое / мертвое, свет / тьма* и т.д. Уместно привести замечание М. Вайскопфа, числящего «постоянный взаимообмен и отождествление бинарных оппозиций, включая самые фундаментальные из них – смерть и жизнь, плоть и дух, верх и низ» среди «главенствующих констант» поэтики М.Г.⁸ В данном случае в качестве членов оппозиции задействованы столь же фундаментальные константы еврейской истории: *Иерусалим* как духовный и государственный центр и место, наиболее приближенное к Божеству, *Вавилон* как символ иудейского изгнания и пленения, языческое капище, империя. В то же время, Вавилон является центром диаспоры, где были созданы высочайшие духовные ценности иудаизма в лице томов Вавилонского Талмуда – тем местом, откуда изгнанники возвратились на свою историческую родину. В среде советского еврейства 1970-х годов, времен повальных сионистских увлечений и отъезда М.Г., Вавилон (наряду с Египтом) перманентно уподоблялся России, распространялся «египетский» лозунг «Отпусти народ мой» и негритянский спиричуэл *Go Down Moses* с этим рефреном, в применении к Москве бытовало жаргонное словечко *мелиха* (власть, царство, империя). Авторская позиция – позиция репатрианта, который оглядывается на оставленный Вавилон / Россию «со стен Иерусалима».

Таким образом, разворачивая обрисованные М. Г. противопоставления, мы получаем ряд оппозиций:

⁷ Генделев М. «Русскоязычная литература Израиля», *Обитаемый остров*, № 1. Иерусалим, 1991.

⁸ Вайскопф М. «Каменные воды», в кн.: Генделев М., *Неполное собрание сочинений*. М., 2003.

Иерусалим – Израиль – государство – еврейское – иудейское / Вавилон – Россия – империя – русское – языческое

Иными словами, тот самый ряд, что в обрамлении цветистого антуража тем, пейзажей, двойников, культурных и исторических реалий, людей и их масок («обстановки в пустыне») красной нитью проходит сквозь весь массив зрелых сочинений М.Г. Легко заметить, что к этому ряду поэтическое сознание М.Г. подстегивает и далее обыгрывает такие же типические и естественные в данном контексте оппозиции: *Иерусалим – духовное – небесное / «Вавилон» – телесное – земное* и *Иерусалим / Рим – мир*. По таким же принципам в более поздних стихотворениях строятся ряды оппозиций, использующие понятия *Бог, Аллах, Катастрофа, Израиль, еврейский народ, Генделев, русская поэзия* и т.п.

Включенные в оппозиции понятия вступают друг с другом в прихотливую игру модальностей, создавая пространство для лирических, риторических и метафизических конструкций. Однако эти сложные конструкции вновь и вновь низводятся к тасованию колоды из трех роковых карт – изначальным, почти кантианским данностям *любви, войны* и *смерти*. В отличие от поверхностного эшелона понятий, подобные «вещи в себе», некие эманации абсолюта, разноопределимы, но не расчленимы. Здесь можно усмотреть ограниченность, но правильной будет говорить о самоограничении. Такая поэтическая позиция требует большого искусства, духовного мужества и личностной вовлеченности – любой подражатель, проникая в этот мир, вскоре столкнется с его внешней исчерпаемостью, что и демонстрирует опыт эпигонов М.Г.

Изображая данный мир в схематических терминах, можно заметить в нем, так сказать, «зоны перехода» к сфере изначальных данностей: пустыни, ночные сады. Пустотные, озаренные мертвенным светом луны дома, где нередко обитают inferнальные мертвые двойники автора, сновидческое состояние *тишины*. Передвижения в этом мире в основном горизонтальны, воспарения в поисках Божества доносят вести о пустых небесах («небеса пусты», «опираться там не на что», «я выпускал бы птиц, когда б они летали»). Сущностны лишь визионерские нисхождения к праоснове поэтического мира М.Г. – *тьме*, не включаемой в ряды эманаций и оппозиций, абсолютной реальности, лишенной качеств и свойств:

а тьма – это тьма а не где-то заблудший огонь повторит: не светне отсутствие света и не
ожиданье зари

Такова, в весьма общих чертах, картина поэтического мироздания М.Г., которая обнаруживает немалое типологическое сходство с каббалистическими системами. И действительно, его стихи глубоко сродни каббалистическим построениям – если можно представить себе такие построения, лишенные каббалистического содержания и инструментария.

За неимением места ограничимся этими наблюдениями, опустим многочисленные примеры и обратимся к самой поэме, предлагающей богатый, хотя и несколько традиционный, набор визуальных цитаций и интертекстуальных ходов. К первым относятся ассиро-вавилонские крылатые быки-ламассы и драконы-сируши (грифоны), ко вторым – историко-археологические («в междуречии слово имеет значений четыре»), мифологические («долина теней» – царство мертвых ассиро-вавилонской мифологии, древнееврейский Шеол, древнегреческий Аид) и библейские контексты.

Текст весьма насыщен ветхозаветными мотивами: к примеру, Вавилонская башня (Быт. 11: 1-9), дальний прообраз кремлевских башен и, соответственно, Вавилон как место, где «смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» и *смертная тень / сень* пророков и псалмов (Иов 10: 21-22, Иер. 13: 16, Пс. 22:4 и т.д.). Текущие вспять реки Вавилона напоминают об *обратившемся назад* Иордане (Пс. 113:3-5) и поверье о том, что Ниневия падет, лишь когда реки обратятся вспять и уничтожат

город. Одним из претекстов поэмы выступает прославленный 136 (137) псалом «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе», известный также во многих поэтических переработках и содержащий клятву верности Иерусалиму: «Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя».

Еще одним важнейшим претекстом является книга Исаии с пророчествами о сокрушении Вавилона (13:1-22). При этом в части IV поэмы слова пророка «Вот, рука Господа не сократилась на то, чтобы спасти, и ухо Его не отяжелело для того, чтобы слышать» (59:1) любопытно сплетаются со свадебным гимном Сафо, намекая на образ Господа как «жениха Израиля»⁹:

Эй, потолок поднимайте, -О, Гименей! Выше, плотники, выше! О, Гименей! Входит жених,
подобный Арею, Выше самых высоких мужей!

Ср.:

балки чудовищны крепи крепки кошка ли – визг этот нечеловечий? Господи! кто возводил
потолки? Господине убирайте руки – или нас всех изувечит

Другие претексты используются не так явно: например, в I части *мычание неразделенной речи*, относящееся к единому языку Вавилонии, одновременно репродуцирует «Ниоткуда с любовью...» И. Бродского: «Я взбиваю подушку мычащим «ты» / за морями, которым конца и края». Это заставляет нас внимательнее приглядеться к нарративу написанной от первого лица поэмы и ее рассказчику: он «так долго одинок, что это уже век», ему не с кем *разделить речь*, он взывает к «Марии» (одно из ряда обобщенных имен, используемых М.Г. для обозначения той или иной спутницы), в поверхностном истолковании – брошен женщиной и переживает любовную драму.

Но такое истолкование лишь царапает поверхность. Уже в самом начале поэмы спускается *каменный снег* – определение, у М.Г. обычно маркирующее мотивы сна, потусторонности, видений и смерти. Рассказчик погружается в *тишину*, то есть стихию сновидчества, стихию-посредник между миром данностей и праосновой бытия («мне снилось / что я помню эти реки»). Над сновидцем нависает *ночное небо*, его первозданная неразделенная речь становится *ночным языком*. Сновидец нисходит ко *тьме*, уже «накатившей по грудь», минуя в своем визионерском путешествии *тень темну* чудовищ Вавилона и саму долину смертной тени: «Отойду, – и уже не возвращусь, – в страну мрака, каков есть мрак тени смертной, где нет устройства, где темно, как самая тьма» (Иов 10: 21-22).

В этом нисхождении во тьму, обратном традиционным мистическим восхождениям к престолу Всевышнего и синонимичном смерти¹⁰, сновидец находит утешение в памяти о своем существовании («печаль и память / в изголовье встаньте»)¹¹, мысли о высоком пред-

⁹ Пер. В. Вересаева. У М.Г. обращение к Сафо актуализировалось популярным рассказом Дж. Сэлинджера *Raise High the Roof Beam, Carpenters* (переведенным на русский как *Выше стропила, плотники*) – ср. в конце поэмы: «или каменотес – но *выше рост стропил!*».

¹⁰ Похоже, единственное детальное описание визионерского «восхождения к Престолу» у М.Г. содержится в неоконченном романе в стихах *Жизнеописание, составленное им самим* («увидел пролом в тверди величиной / что в проеме роились ангелы как мошкара» и т.д.). Характерно, что это видение выстроено в христианском визуальном ключе и выступает как детское («года в три»).

¹¹ Данный отрывок строится на отрицании претекста – песни Б. Окуджавы *Опустите, пожалуйста, синие шторы*: «Вот стоят у постели моей кредиторы / молчаливые: Вера, Надежда, Любовь».

назначении создателя «новых таблиц» поэтического языка («ты глина от глин междуречья / под клинопись новых таблиц») и воспоминании о завершённом творческом деянии:

и все-таки – были белый светпоил глаза мои на день восьмой творенья

Из глубины к «Марии» взывает столь частый у М.Г. *мертвый двойник* – как можно понять из содержащихся в поэме намеков на фабулу, он не только «родился в междуречьи в законоположенном мире», был иудейским сочинителем, носившим «субботнее платье» и оставлявшим «на каолине птичий след» клинописи, но в Междуречьи и остался, погибнув при разрушении Вавилона:

все уже былотыуже висвсе!отгибается вяло карнизкак отворот горизонта

Итак, автор примеряет на себя иной вариант судьбы – судьбу поэта, оставшегося в Вавилоне / России («се – мир твой и полон»). Вавилон восстает пред ним во всей красе легендарного места нахождения Рая. Иная судьба, как и сама поэма, разрешается «языческим» соблазном и великолепным катартическим экстазом воскрешения: посмертный небосклонзаря пронесет мимов долину где встают...а в мире так светлотак радостна долинараб восстает с мечом и ветеран с кайлом

Но *мир* (Рим, Вавилон, Россия) есть противоположность Иерусалима: обитателю его остается лишь наблюдать за сценами воскрешения с крепостных стен, медленно погружаясь во тьму. Гораздо позднее, в романе *Великое русское путешествие*, М.Г. в ироническом ключе воспроизвел коллизию «Вавилона», заставив русского двойника явиться на собственный поэтический вечер в Ленинграде. М.Г. не мыслил подобное превращение себя в русского поэта: «Я не считаю себя русским поэтом ни по крови, ни по вере, ни по военной, ни по гражданской биографии, ни по опыту, ни по эстетическим пристрастиям» – написал он в послесловии к *Неполному собранию сочинений*. Но парадоксальное мышление Михаила Генделева и выстроенная им картина мироздания позволили ему испытать иную судьбу не только в тексте. Оставаясь самим собой, он зажил жизнью своего двойника, глядя на Иерусалим со стен Вавилона.